

Хуан Ган торопливо сказал:

— Не мешай!

Чжоу Синьши не ответил, лицо его по-прежнему ничего не выражало. Он произнёс спокойно, но не допускающим возражений тоном:

— Хочешь дойти до убийства?

Хуан Ган почувствовал боль в запястье — Чжоу Синьши усилил хватку. Прежде чем тот успел опомниться, между ним и Хэ Е уже стоял Чжоу Синьши.

Хэ Е, держась за живот, увидев, как Чжоу Синьши оттаскивает Хуан Гана, невольно отпрянул. Он боялся, что Чжоу Синьши подойдёт помочь — искренне или притворно, — но Хэ Е не хотел принимать его помощь.

Однако Чжоу Синьши не сделал этого. Он знал, что Хэ Е не примет, и не хотел напрашиваться. Он просто стоял на месте, разделяя Хуан Гана и Хэ Е, и равнодушно произнёс:

— Я знаю, ты сможешь подняться сам.

Хэ Е с трудом поднялся, опершись о книжный шкаф. Синяки на теле не шли ни в какое сравнение с кровоточащей раной в сердце.

— Чжоу Синьши, — медленно позвал он, затем отчеканил каждое слово:

— Скажи мне, что это значит.

Чжоу Синьши не знал, что ответить. Вдруг он почувствовал, как чья-то рука лезет в его карман и вытаскивает оттуда что-то.

Чжоу Синьши резко опомнился и попытался схватить эту руку, но опоздал.

Хуан Ган протянул Хэ Е телефон с гневным выражением лица:

— Смотри сам.

Чжоу Синьши сжал кулаки, яростно уставившись на Хуан Гана. Его выражение «я это для твоего же блага» лишь заставило Чжоу Синьши затрястись от злости.

Хэ Е узнал этот телефон — он принадлежал Лян Мэньюй. Одной рукой он продолжал держаться за шкаф, другой осторожно взял аппарат и включил. На экране-заставке была фотография Хэ Е и Лян Мэньюй. На снимке Лян Мэньюй выглядела нежной, сладко улыбалась, прислонившись к плечу Хэ Е, и весь экран дышал счастьем.

В глазах помутнело. Хэ Е поднёс руку с телефоном к лицу, вытер тыльной стороной ладони, затем открыл приложение сообщений.

Новое сообщение — Входящие — Электронная почта — Черновики...

Хэ Е не стал листать дальше, нажал на «Черновики». Интуиция подсказывала, что искомое здесь.

Действительно, в самом верху списка черновиков лежало одно неотправленное письмо. Дата

сохранения — ночь, когда Лян Мэньюй покончила с собой.

Хэ Е снова и снова твердил себе, что нужно сохранять спокойствие, и лишь затем набрался смелости открыть его.

«Прости».

Уже первая фраза лишила Хэ Е половины рассудка. Натянутое спокойствие не могло усмирить бешено колотящееся сердце. Он продолжил читать, и каждое слово било по нему, как обухом.

«Когда я увидела, как раненный мной Синьи смотрит на меня с таким отчаянием, я наконец поверила, что совершила нечто поистине жалкое».

Рука Хэ Е задрожала ещё сильнее.

«Я использовала своё тело, чтобы оскорбить и ранить Синьи, одновременно предав тебя и унизив себя. Но я знаю, тебе уже всё равно. Никто не захочет жить в таком мире, где тебя в любой момент могут потревожить, я понимаю, почему ты ушёл. Просто... в мире без тебя я действительно не знаю, как жить...»

Прочитав это, Хэ Е больше не мог держаться и рухнул на пол, как тряпичная кукла.

«Прощай, Хэ Е. Я так по тебе скучаю. Я буду вечно любить тебя в ином мире».

Чжоу Синьи глубоко вдохнул, глядя в потолок, стараясь обуздать свои собственные нарастающие эмоции. В его скорбном голосе звучала бесконечная горечь сожаления:

— Наверное, она хотела отправить это тебе, но в итоге не решилась... хотела, чтобы ты ушёл спокойно...

Чжоу Синьи вспомнил сцену в палате и с сожалением произнёс:

— Увидь я это письмо раньше, ни на шаг не отходил бы от неё, и уж точно не сказал бы: «Хэ Е обязательно будет к тебе добр». Я правда не понимаю... если даже я мог поверить в тебя, почему же она решила сдать...»

— Хэ Е, — тихо позвал Чжоу Синьи. — Не торопись вставать.

Чжоу Синьи знал: хоть на этот раз не было ударов Хуан Гана, Хэ Е ранен куда сильнее. У него уже не было ни сил, ни воли подняться самостоятельно. Чжоу Синьи не стал ему помогать — да и не хотел, ведь он сам изо всех сил сдерживал желание придушить Хэ Е.

Как бы из-за Лян Мэньюй он ни не хотел причинять ему боль, в глубине души всё равно таилась ненависть. К нему. И к себе.

Хуан Гану стало немного совестно. Хотя цель — ранить Хэ Е — была достигнута, вид страданий Чжоу Синьи заставил его почувствовать себя неловко.

Хуан Ган толкнул Чжоу Синьи и извинился:

— Прости, я погорячился.

— В другой раз так не делай, — беззвучно усмехнулся Чжоу Синьи, выдохнув эту фразу.

Хуан Ган серьёзно кивнул и больше не стал ничего добавлять.

Чжоу Синьши вздохнул, увидев, что Хэ Е всё ещё сидит на полу, потерянный и безучастный. Он подошёл и присел рядом.

— Сможешь подняться? — спросил Чжоу Синьши.

Ответа не последовало.

— Теперь ты можешь быть спокоен, — Хэ Е изо всех сил старался избегать взгляда Чжоу Синьши, не желая, чтобы тот видел его в таком беспомощном состоянии.

— Спокоен? — безразлично переспросил Чжоу Синьши. — Спокоен, что она умерла не из-за меня, и я могу жить с чистой совестью? Или спокоен... что я её опозорил?!

Чжоу Синьши схватил Хэ Е за плечи, силой повернув к себе:

— Будь на моём месте ты, использовала бы она такие слова?

Хотя ему не хотелось этого говорить, Чжоу Синьши всё же выдавил:

— Возможно, я и вправду тебе не чета.

Перед Хэ Е, своим злейшим врагом, Чжоу Синьши высказал то, что больше всего не желал признавать.

— Не сравнивай себя со мной.

— Ты!

Это задело Чжоу Синьши. Он с детства был выдающимся. Пусть многие его не любили, боялись, избегали — но так пренебрежительно с ним ещё никто не обходился.

Хэ Е медленно повернулся к Чжоу Синьши, уставившись ему в глаза:

— Единственное, в чём мы можем сравниться, — мы оба достойны и ненависти, и жалости.

Голос его становился всё тише. Хэ Е чувствовал страшную усталость, в глазах помутнело. Он наклонил голову и неожиданно оперся лбом о плечо Чжоу Синьши.

Чжоу Синьши на миг застыл, но не оттолкнул его. Хуан Ган от такого обомлел.

Вскоре Чжоу Синьши вызвал Ван Яньшуан, чтобы та помогла с потерявшим сознание Хэ Е.

— Неужто в самом деле до смерти забили? — спросил Хуан Ган, хотя на лице его по-прежнему читалось полное безразличие.

Чжоу Синьши бросил на него взгляд:

— В следующий раз не бей так сильно.

Хуан Ган пожал плечами, показывая, что понял.

Немного погодя, внимательно осмотрев Хэ Е, Ван Яньшуан сообщила Чжоу Синьши:

— Адвокат Хэ долгое время существовал в состоянии крайнего физического и душевного истощения, плюс только что его сильно избили — вот он и не выдержал, потерял сознание.

— Душевное давление понимаю... Физическое, наверное, от переутомления — собирал доказательства для этого дела, — сказал Чжоу Синьи, глядя на Хэ Е. — Видно, дело для него действительно важное. — Он спросил Ван Яньшуан:

— Серьёзно?

Ван Яньшуан покачала головой:

— Скоро очнётся.

Чжоу Синьи с облегчением вздохнул. Почему-то вид поверженного врага не принёс ему ни малейшего удовлетворения от мести — лишь лёгкую, разлитую в воздухе грусть.

— Кстати, — Хуан Ган, кажется, что-то вспомнил и вдруг предложил:

— Пока он без сознания, вытащим диктофон?

— Незачем, — не задумываясь, ответил Чжоу Синьи и, увидев недоумение на лице Хуан Гана, терпеливо пояснил:

— Думаю, Хэ Е не настолько глуп, чтобы являться ко мне с диктофоном вот так, наголо, безо всякой подготовки. Примени мы силу — он окажется в дураках.

Хуан Ган фыркнул:

— Адвокат, да и только. Разве способен на такие расчёты?

Не успел Чжоу Синьи ответить, как Хэ Е подал признаки жизни — медленно открыл глаза.

— Как себя чувствуете? — сразу же спросила Ван Яньшуан.

Как врач, независимо от того, кто перед ней, Ван Яньшуан всегда добросовестно относилась к своим пациентам. Это не зависело от личных симпатий — только от профессиональной этики.

Она посоветовала Хэ Е:

— Не шутите со здоровьем. Будете так небрежны — организм действительно сдаст. И тогда, что бы вы ни задумали, ничего не выйдет.

<http://bllate.org/book/15947/1425506>